Труд, 1985, 17 марта, №64

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НА СЦЕНЕ И В КАДРЕ СМОКТУНОВСКИЙ

Народному артисту СССР, лауреату Ленинской и Государственной премий Иннокентию Михайловичу Смоктуновскому исполняется шестьдесят лет. За этой цифрой — множество ролей, сыгранных им в кино и на театральной сцене. Спектакли, фильмы с его участием — а среди них «Девять дней одного года», «Гамлет», «Моцарт и Сальери», «Берегись автомобиля», «Ночной гость», «Маленькие трагедии» — раскрывают разные грани этого сильного и всегда неожиданного таланта. О его творчестве размышляет заслуженная артистка РСФСР Татьяна ЛАВРОВА:

Выдающемуся таланту Иннокентия Михайловича Смоктуновского дружно отдают дань и зрители, и критика. Ему посвящено множество статей, там его творчество анализируется и оценивается. Я могу только поделиться ощущениями актрисы от встреч с этим уникальным мастером, товарищем по искусству.

Наше знакомство... Мне, двадцатилетней девчонке, посчастливилось сниматься у замечательного советского кинорежиссера Михаила Ромма. Точно так же посчастливилось и более взрослому Иннокентию Михайловичу, тогда просто Кеше. Я говорю — посчастливилось, потому что у Смоктуновского это была первая работа в кино такого масштаба. На сложнейшую, интеллектуальную, как теперь говорят, роль Ромм пригласил почти неизвестного артиста. Более того, странного человека с непривычной пластикой, непривычным выражением глаз. Он странно ходил, двигался и вообще ни на кого не был похож. На съемочной площадке все друг у друга спрашивали: кто это такой? И действительно, никто еще не знал его и уж, конечно, не знал, кем он будет. Но величайший талант Михаила Ромма разглядел другой талант и дал ему реализоваться. Надежды Ромма оправдались: произошло рождение нового героя на экране — героя из жизни.

А в те далекие дни я видела мечущегося, нервного, все время пьющего валерьянку человека, ищущего еще что-то до последней секунды, когда прозвучит слово «Мотор!» И вот сам процесс съемки: это уже другой человек — это не Смоктуновский, а ироничный умница физик Илья Куликов.

Из сценических впечатлений в памяти Смоктуновский—князь Мышкин в спектакле Ленинградского Большого драматического театра «Идиот» в постановке Георгия Товстоногова. Подобное потрясение — единственное по долгосрочности. Потрясало величие простого (якобы!), тихого, как бы размытого искусства Смоктуновского. Но это была тишина, которая заставляла напрягаться и кровоточить каждую клетку души. По сей день благодарна Иннокентию Михайловичу за пережитое мгновение чуда. Именно тогда я поняла, что оно существует, это чудо искусства на сцене.

Фильмы и спектакли со Смоктуновским стараюсь не пропускать. Теперь он не только всемирно признанный артист, но и мастер, которого любят все, невзирая на различие вкусов. У него, как у актера мощного таланта, бывают свои падения, взлеты, свои «звездные часы». Поэтому могу понять его переходы из театра в театр, творческие метания, поиски своей режиссуры, репертуара — того, что позволяет артисту раскрыться максимально.

На съемках «Девяти дней одного года» я не могла и подумать, что когда-нибудь судьба нас сведет на сцене Московского Художественного театра, что вместе мы будем играть в чеховской «Чайке» в постановке Олега Ефремова: он — доктора Дорна, я — актрису Аркадину. Когда бывают удачные спектакли, когда я по-хорошему спокойна и могу воспринимать партнера во всех его проявлениях, вплоть до мигания ресниц, напряжения мышц лица или руки, меня всегда удивляет в Смоктуновском вот что. Для меня творческая загадка — его уникальный покой (покой, а не спокойствие) на сцене, его нечеловеческое самообладание и — говорю это с улыбкой — ощущение себя любимцем. Но, право, это прекрасно! Для того мы и выходим на сцену, чтобы нам сочувствовали, нас любили, плакали над нами и смеялись.

Чеховский Иванов... Понимаю, почему Смоктуновского в этом спектакле любят две прекрасные чеховские женщины. Он играет неровно — это свойство большого актера,— но и тогда ловишь себя на том, что напряженно всматриваешься в него, ждешь каждого его появления и не хочешь с ним расстаться. «Звездные» же его спектакли — зрелище магнетическое. Каждый поворот мысли, само рождение чувств, желаний, еще не осознанных, захватывает тебя — и ты в плену до конца спектакля. Нет, не спектакля, а жизни, судьбы человеческой.

А вот Иудушка Головлев в спектакле «Господа Головлевы», поставленном Львом Додиным. И опять та же сила воздействия, только талант повернулся к нам совсем неизвестной и еще более блистательной гранью.

Неустанно, много раз слушаю, пересматриваю все, что связано в творчестве Смоктуновского с Александром Сергеевичем Пушкиным. Могу сказать только словами великого поэта:

Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...

Шестьдесят лет... Нет, талант не иссяк, наоборот, помощнел. И точно так же, как и всегда, встреча с ним — ожидание чуда искусства.